

вечает: «Что вы не получили бенефиции, вина не моя; я сдержу давнее мною слово; сделайте так, чтобы принц де Конти тоже сдержал свое обещание». Аббат пожаловался Кoadьютору, и тот разбушевался: «Как! этот жалкий стухоплет дерет деньги с моих друзей! Человек, которого я благодетельствовал!». Саразен на это отослал, как я уже говорил, что он де Кoadьютору ничем не обязан и т. д. Вслед за этим Менаж и Саразен рассорились, и Менаж говорил: «Они удачно сошлись, Монтрей и он, чтобы облапошить друг друга».

Случилось однажды, что некто дю Буа, который командовал шеволежерами принца де Конти в Шампани, проворовался, да настолько, что Принц вынужден был послать одного из своих гвардейцев, свободного от службы, дабы арестовать виновного; у дю Буа оказалось шесть тысяч ливров деньгами, которые он украл за короткий срок, не говоря уже о других вещах. Он отнюдь не удивился, что его арестовывают, но выразил уверенность в том, что его не осудят. Было решено, что из шести тысяч наличными он вернет пять, как вдруг приходит приказ взять у него только три тысячи ливров; приказ этот исходил от Саразена: это дало повод заключить, что остальные две тысячи ливров причитались ему.

Один дворянин из Бри попросил Куртена (маленького Куртена, того, который побывал в Мюнстере; он докладчик по приему прошений) поговорить с Саразеном, чтобы перевели солдат из его деревни. Саразен ответил ему: «Сделать это стоит». Минуло четыре дня; потребовалось сорок пистолей, и деревню обобрали, прежде чем пришел приказ. Саразен делал и того хуже; так, отправив все, что полагается на зимние месяцы, некоему Бургоню, офицеру, стороннику принца де Конти (это он защищал Бри-Конт-Робер в 1649 году), он передал ему: «Погляди-ка, не пайдется ли десяти пистолей для нас». При всем том, он так и не разбогател: ему мешали ссоры, а Двор его обманул. Ему ничего не перепало от Кардинала, который столько наобещал. Когда состоялась свадьба принца де Конти, Саразен не получил ни гроша; Кознак не стал бы даже епископом, если бы на этом не настоял принц де Конти. Между тем оба, и Саразен и Кознак, хорошо послужили Кардиналу и очень плохо — своему хозяину.

Смышляпостью Саразен не отличался, хотя и был нормандцем; ума у него и в помине не было; достаточно сказать, что в Бордо он старался убедить всех, что ему, мол, присылают деньги из дому; заказав себе полный набор лент розового цвета, он заявил, будто получил небольшой вексель из Нормандии. Г-жа де Ловгвиль мало издевалась над этим наглым чванством. Ожестившись, дворянин из Кана, который служил у принца де Конти, сказал как-то Саразену: «Дорогой мой, позвольте сказать вам, люди не так уж слупы, чтобы воображать, будто вы, занимая вашу должность (Монтрей к тому времени умер), не в состоянии купить себе даже лент». Назавтра, думая загладить этим свой промах, Саразен надел